1(08)
-674

А. А. Соколовъ.

ОТНОШЕНІЕ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ КЪ СВОБОДѢ СОВѢСТИ И СЛОВА ВЪ XIX ВѢКѢ.

Къ годовщинѣ вѣротерпимости въ Россіи.

Краткій очеркъ изъ исторіи катол. и правосл. духовенства.

Астрахань.
Паровая типографія В. Л. Егорова, прот. Окруж. Суда.
1906.

1-

Отношеніе церковной власти къ свободѣ совѣсти и слова въ XIX вѣкѣ.

(Краткій очеркъ изъ исторіи католическаго и православнаго духовенства).

Къ годовщинѣ вѣротерпимости въ Россіи.

Іисусъ сказалъ имъ:... Если кто услышитъ Мои слова и не повѣритъ, Я не сужу его.. Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ имѣетъ судью себѣ: слово, которое Я говорилъ,—оно будетъ судить его въ послѣдній день... (Ев. Іоан: гл. 12, ст. 47—48; сравн. Дѣян. Ап. гл. 5, ст. 34—39).

Въ наше время, когда свобода совѣсти и слова стала достояніемъ каждаго культурнаго государства, любопытно припомнить, какъ трудно было ей пробивать себѣ дорогу даже въ прошломъ столѣтіи. При этомъ оказывается, что подобная трудность часто и въ высокой степени зависѣла отъ враждебнаго отношенія къ свободѣ представителей христіанскихъ церквей. Свобода слова и совѣсти рисовалась воображенію разныхъ клерикаловъ, не въ мѣру ретивыхъ къ своей религіи, чѣмъ-то весьма опаснымъ и для нихъ самихъ, и для церкви, и для общества. Постоянное ожиданіе отъ такой свободы ужасной пагубы для всей церковно-общественной жизни заставляло ригористовъ церковниковъ повсюду ставить ей преграды, тормозить ея поступательное движеніе впередъ, глушить и давить ее вездѣ, гдѣ это было возможно, и всѣми средствами, какими можно было располагать той или другой группѣ ихъ Забывъ, что живая вѣра и по самой природѣ своей свободное слово не могутъ быть уничтожены никакимъ насиліемъ и гнетомъ, они прибѣгали ко всякому насилію и гнету. Они установили тяжкій судъ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР 059 60

надъ душой человѣка, хотя „наложить на разумъ цѣпи и слово можетъ умертвить лишь“ [1]—Самъ Творецъ разумно свободной души. И судъ, и насиліе надъ совѣстью людей представителями Церкви освящались религіозной идеею—служенія Господу: *убіеніемъ* человѣческой личности *мнили службу приносити Богу,* какъ будто бы Ему могутъ быть угодны „надъ вольной мыслью“ человѣка „насиліе и гнетъ“... [2]. Санкціонировавъ же принципъ стѣсненія и нетерпимости къ иновѣрію и иномыслію, въ выборѣ средствъ для достиженія своей инквизиторской цѣли духовныя власти уже нисколько не стѣснялись. И вотъ—запрещенія, проклятія, посланія, письма, тюрьмы—все это служило орудіемъ борцамъ за вѣру и нравственность противъ новѣйшей крамолы—свободы слова и совѣсти.

Воскресимъ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи этой борьбы. Ко дню празднованія годовщины вѣротерпимости въ Россіи это не лишне и не безъинтересно,—тѣмъ болѣе, что антипрогрессивный ватиканизмъ въ области духовной, столь сильный на католическомъ западѣ, нашелъ себѣ, къ сожалѣнію, не мало послѣдователей и на православномъ востокѣ.

I.

На Западѣ.

Довольно вѣрное средство заставить противника молчать состоитъ въ томъ, чтобъ ему вырвать языкъ. Лучше, если сверхъ того, ему отрубятъ и руки, чтобы онъ не могъ ни говорить, ни писать. Но самое вѣрное средство положить конецъ всякимъ пререканіямъ—это повѣсить или сжечь противника...

(Правило іезуитской морали).

Девятнадцатый вѣкъ въ католическомъ мірѣ характеризуется постоянными столкновеніями папъ съ государями, духовенства

[1] Изъ стихотвор. гр. Голенищева-Кутузова.

[2] Изъ поэмы „I. Дамскинъ“ А. Толстого.

съ либеральнымъ обществомъ. Какъ извѣстно, яблокомъ раздора служила регуляція взаимныхъ отношеній между церковью и государствомъ. Еще въ средніе вѣка въ католицизмѣ былъ выдвинутъ принципъ о свѣтской власти папъ. Папа-государь; онъ собственно духовный государь и управляетъ душами вѣрующихъ, а свѣтскій государь владѣетъ только тѣлами ихъ. Но—можно-ли управлять душами, иногда-грубыми и непокорными, безъ физической силы? Въ Римѣ рѣшили:—*нельзя*, и потому папа потребовалъ себѣ долю и свѣтской власти—власти государя. Однако, и при такомъ положеніи онъ хотѣлъ сохранить полную независимость отъ государства. Церковь должна быть какъ бы особымъ государствомъ въ государствѣ,—самостоятельнымъ учрежденіемъ со своимъ строемъ и владычествомъ, похожими на строй и власть государства, со своими законами, судами, тюрьмами, имѣньями, налогами. Такимъ именно институтомъ и мыслило себя духовенство. Во имя своей высокой, *божественной* миссіи оно считало себя несравненно выше простыхъ членовъ государства и относилось къ нимъ всегда высокомѣрно, начальнически. Члены общества и государства—міряне, т. е. низшіе члены Церкви и какъ таковые, признавались подданными духовнаго государства, или Церкви,—слѣдовательно, обязанными подчиняться во всемъ духовнымъ владыкамъ. Отсюда—присвоеніе себѣ папами власти судебной и административной,—права отдавать распоряженія мірянамъ и налагать на нихъ кары, какъ на своихъ подданныхъ. Такъ установился на Западѣ безапелляціонной деспотизмъ въ церковно-общественной жизни. [3])

Духовенство получило себѣ право завѣдывать школами государства и преподаваніемъ въ нихъ, больницами, общественною благотворительностью. Оно вторглось въ качествѣ руководителей и судей въ частную жизнь христіанъ, захватило въ свои руки надзоръ за печатными сочиненіями, подвергло своему контролю человѣческую мысль во всѣхъ ея видимыхъ проявленіяхъ, установило на все свою строжайшую цензуру. Духовенство всѣмъ повелѣвало, отдавало приказанія, но ни отъ кого не принимало ихъ. Рѣшеніе всякихъ вопросовъ религіи, нравственности, об-

[3]) Теорія эта была развита папою Бонифаціемъ VIII въ буллѣ „Unam sanctam“.

рядности перешло тоже исключительно къ церковникамъ. Духовенство стало предписывать своимъ подданнымъ, или мірянамъ, и то, *что* они должны мыслить и говорить по вопросамъ религіознымъ, и то, *какъ* они должны вѣровать, и то, *какъ* могутъ молиться. Велѣнія духовенства обязательны для всѣхъ, какъ приказъ Государственной власти, для непокорныхъ же употреблялось физическое насиліе въ разнообразной формѣ, поощряемое и поддерживаемое средствами государства. Государство тутъ было лишь исполнительнымъ органомъ, дѣйствующимъ на пользу вѣры, отечества и Св. Престола. Оно приводило въ исполненіе постановленія церковнаго суда, запрещало и сжигало книги, осужденныя духовной цензурою, принуждало своихъ членовъ или мірянъ исправно посѣщать богослуженіе, точно соблюдать обряды, посты, обѣты, принимать таинства, учить и воспитывать дѣтей по указанію Церкви, аккуратно платить десятину духовенству и во всемъ прочемъ повиноваться ему—ради спасенія души. Словомъ, при матеріальной поддержкѣ правительства, духовенство усердно налагало обязанности на мірянъ и сурово карало за неисполненіе ихъ. Свобода же совѣсти и слова—устнаго и печатнаго, какая-либо самодѣятельность мірянъ въ религіозно-нравственной жизни признавалась богохульствомъ, нечестіемъ, ересью и немедленно осуждалась, проклиналась, пресѣкалась въ корнѣ.

Реформація впервые дала сильный толчекъ этому, столь старательно построенному зданію деспотическаго клерикализма на Западѣ. Со времени ея старый церковный строй римскаго католицизма уже пошатнулся и далъ трещину. Революція докончила дѣло реформаціи и отжившій духовный строй былъ ею ниспровергнутъ. Среди католическаго населенія, угнетеннаго и подавленнаго ватиканизмомъ, революція сыграла роль великой освободительницы, разбившей цѣпи духовнаго рабства.

Антицерковное движеніе началось съ Америки (С.-Штаты) и перешло потомъ въ Европу. Здѣсь, прежде всего—во Франціи, революціонная республиканская партія, возстановивъ въ обществѣ исключительное господство свѣтской власти, послѣдовательно отняла и урѣзала права, присвоенныя себѣ католиче-

скимъ духовенствомъ. Были упразднены нѣкоторыя церковныя учрежденія, отняты льготы имущественныя, административныя, судебныя, уничтожена власть клерикаловъ надъ вѣрующими въ нравственной жизни и въ дѣлѣ благотворительности и просвѣщенія. Правительство обнаружило полную свою обособленность отъ Церкви, а къ католичеству, какъ религіи, заявило себя индифферентнымъ. Религія вдругъ стала частнымъ дѣломъ всякаго человѣка, и свѣтская власть отказалась вмѣшиваться въ религіозную сферу. Мало того: провозглашено было равенство всѣхъ вѣроисповѣданій, и каждый членъ государства получилъ свободу вѣровать такъ, какъ подсказывала ему его собственная совѣсть. Была снята церковная опека и съ печати. Духовенство лишилось государственныхъ средствъ оказывать матеріальное давленіе на членовъ Церкви и общества. Такимъ образомъ въ католическомъ мірѣ устанавливался строй жизни, совершенно противоположный выработанному въ предшествующее время.

Правда, Наполеонъ I послѣ этого, въ 1801 г., заключилъ свой конкордатъ съ папою и призналъ католическую церковь учрежденіемъ оффиціальнымъ, даже до нѣкоторой степени—государственнымъ, назначилъ духовенству и содержаніе отъ государства, предоставилъ ему и почести, но прежняго значенія католической іерархіи онъ не вернулъ. Ни власти надъ мірянами, ни надзора за школами, ни права цензуры, тѣмъ болѣе матеріальнаго давленія на своихъ членовъ духовенству такъ и не удалось получить обратно. А провозглашенный республикою принципъ свободы совѣсти и равноправности вѣроисповѣданій остался во всей силѣ и послѣ Бонапартовскаго конкордата. Подобная вѣротерпимость вошла въ жизнь въ Австріи, Германіи, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Англіи.

Новый строй жизни, разумѣется, не могъ нравиться католическому духовенству и неизбѣжно долженъ былъ породить горячіе протесты со стороны церковной власти. Въ дѣйствительности такъ и было.

Папа Пій VII, входившій въ компромиссы съ Наполеономъ I-мъ, претерпѣвшій отреченіе и изгнаніе изъ Ватикана, потерявшій Церковную область,—конечно, мечталъ о возстановле-

ніи, средневѣковаго величія римскихъ папъ и, насколько могъ протестовалъ противъ новыхъ порядковъ. Когда же Бонапартъ былъ низложенъ, папа добился у союзныхъ государей, на вѣнскомъ конгрессѣ 1814 г., возвращенія ему Церковной области и даже потребовалъ возстановленія прежняго вліянія Римскаго престола на дѣла всей Европы. Воображенію Пія, несомнѣнно, рисовались уже величественныя картины изъ исторіи прошлаго, столь соблазнительныя для Рима и ужасныя для культуры человѣчества, но—къ счастію для послѣдней—желанія Пія не осуществились во всей ихъ широтѣ и зловредности. Однако, и того, что онъ успѣлъ сдѣлать для искорененія антицерковнаго либерализма, достаточно для характеристики его вѣротерпимости.

Въ 1814 г., буллою отъ 7 авг., Пій VII призвалъ вновь къ дѣятельности орденъ іезуитовъ,—этихъ „надежныхъ, искусныхъ и опытныхъ кормщиковъ для корабля Петрова". Іезуиты же всегда относились враждебно къ свободѣ совѣсти и слова, насильственно завлекая въ лоно католической церкви возможно большее число вѣрующихъ. Вторымъ дѣломъ Пія VII, по возвращеніи его изъ плѣна, было воскрешеніе инквизиціи. Снова былъ назначенъ высшій инквизиторъ и снова даны были ему помощники—чинить судъ и расправу надъ религіозными преступниками. Инквизиторскому суду подлежали всѣ преступленія противъ вѣры и нравственности: богохульство, развратъ, оскорбленіе Церкви, отпаденіе отъ вѣры, неуваженіе праздниковъ, несоблюденіе постовъ и проч. Французскую конституцію, составленную Сенатомъ и либеральную хартію папа Пій VII подвергъ осужденію за неуваженіе къ католической церкви. Въ частности, онъ протестовалъ противъ 22-й статьи хартіи, которая объявляла „свободу вѣроисповѣданій и совѣсти" и „обѣщала покровительство священникамъ т. наз „исповѣданій", ставя на одну доску съ еретическими сектами и даже съ іудейскимъ вѣроломствомъ святую и непорочную жену Христову Церковь, внѣ коей не можетъ быть спасенія". Онъ заявилъ свой протестъ также и по поводу 23-й статьи, допускавшей свободу печати, „угрожающую, по его мнѣнію, нравамъ и вѣрѣ" [4]). Не оставилъ

[4]) Ш. Сеньобосъ. Политич. исторія соврем. Европы. Ч. II. Р. пер. СПБ. 1897. Стр. 634.

безъ подобнаго же протеста и конституціи королевства Нидерландовъ, протестовалъ еще противъ свободы вѣры въ Баваріи и другихъ германскихъ государствахъ, порицалъ даже библейскія общества, распространявшія въ народѣ переводы Библіи. Вообще папа Пій VII выпустилъ много приказовъ и буллъ, направленныхъ противъ свободы совѣсти и слова и защищавшихъ „единство" католической вѣры.

Каковъ былъ папа, таковы и его сподвижники клерикалы, преданные Св. Престолу. Ватиканизмъ одушевлялъ ихъ всѣхъ. Нетерпимость въ области вѣры и мысли мірянъ-общая черта католическаго духовенства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытнымъ является письмо папскаго легата Конзальви, отправленное—по *порученію* самого *папы*—къ кардиналу Капрарѣ въ Парижъ, въ 1814 г. „Римская церковь,—писалъ онъ,—по самой сущности *должна* отличаться *нетерпимостію*. Она можетъ оказывать терпимость только къ язычникамъ, потому что они заблуждаются по невѣдѣнію, можетъ терпѣть также и евреевъ, какъ свидѣтелей истины, но она *не можетъ оказывать терпимости къ ереси*, потому что ересь колеблетъ основанія общаго вѣрованія, возносится надъ церковью, не уважаетъ ея представителей во всѣхъ степеняхъ, зоветъ ее къ суду на основаніи слова Божія. Ересь въ своемъ дѣйствительномъ и истинномъ значеніи есть величайшее преступленіе. Поэтому вполнѣ понятною становится нетерпимость, которую церковь выражаетъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ противъ ересей, и особенно въ буллѣ „In coena Domini", тѣ жестокія выраженія, которыми она постоянно ее обозначаетъ, тѣ строгія наказанія, которыя она употребляетъ противъ еретиковъ, передавая ихъ по осужденіи, свѣтской власти и требуя, чтобы послѣдняя законами и оружіемъ помогала церкви въ истребленіи ереси. И *схизму* церковь считаетъ такимъ же тяжкимъ преступленіемъ, какъ и ересь и одинаково къ ней относится [5]).

Преемникъ Пія VII, папа Левъ XII былъ тоже поборникомъ „единства вѣры". На этомъ основаніи онъ преслѣдовалъ всѣ общества, подрывавшія единство вѣры и требовавшія свободы

[5]) Вѣротерп папъ. Изъ «Вѣст. Россіи». Вильна. 1869. Стр. 124.

совѣсти. Его преслѣдованію подверглись, напр., общества карбонаріевъ и вольныхъ каменьщиковъ (масоновъ); были снова преданы анаѳемѣ и библейскія общества. Левъ XII поощрялъ инквизицію,—ad majorem Dei gloriam допускалъ даже пытки и казни. Одинъ историкъ говоритъ, что въ его правленіе „на карбонаріевъ, какъ на дикихъ звѣрей, дѣлались облавы“ [1]). Евреевъ также гнали. Религіозныхъ преступниковъ сажали въ тюрьмы. По недостатку мѣстъ заключенія приходилось подъ тюрьмы приспособлять древніе дворцы. На эшафотахъ, какъ въ эпоху среднихъ вѣковъ, проливалась кровь свободомыслящихъ. Инквизиція свирѣпствовала. Гоненію со стороны ея подпадали и свобода вѣры, и свобода слова. Въ генеральномъ эдиктѣ, изданномъ 14 мая 1829 г., говорилось, что „суду инквизиціи подлежитъ всякій, имѣющій у себя книги еретическаго содержанія, также—каждый, кто дѣломъ, или словомъ, или жестомъ оскорбляетъ инквизиціонныхъ служителей и шпіоновъ, кто слышитъ и видитъ оскорбленія и не доноситъ священной оффиціи“ [2]). Такой же судъ былъ учрежденъ и существовалъ въ Испаніи (до 1835 г.), Сардиніи, Моденѣ и Тосканѣ (до конца 1840-хъ г.г.).

Папа Пій VIII управлялъ св. престоломъ очень недолго. По смерти его вступилъ на папскій престолъ Григорій XVI. Римская курія и при немъ не признала, не приняла ученія о свободѣ слова и совѣсти, такъ какъ не находила его совмѣстимымъ съ принципомъ о единствѣ католической вѣры. Подобно Пію VII, осудившему хартію, папа Григорій XVI осудилъ бельгійскую конституцію за то, что она допустила свободу вѣроисповѣданій и печати. Затѣмъ онъ произнесъ осужденіе либеральнымъ католикамъ Франціи въ своей энцикликѣ „Mirari vos“ (авг. 1832 г.). Въ числѣ „бѣдъ, постигшихъ церковь“, папа называетъ „индифферентизмъ, или то нечестивое мнѣніе, распространяемое лукавствомъ злонамѣренныхъ людей, что можно получить вѣчное спасеніе души, исповѣдуя любую вѣру, лишь бы нравы ваши сообразовались со справедливостью и честностью. Изъ этого смраднаго источника равнодушія проистекаетъ то

[1]) П. Ланфрэ. Политич. исторія папъ. Р. пер. С.П.Б. 1870. стр. 378.
[2]) Вѣротерпим. папъ. Стр. 123.

безсмысленное и ошибочное воззрѣніе или, вѣрнѣе, то безуміе, будто необходимо обезпечить каждому *свободу совѣсти*,—заблужденіе, которому облегчаетъ путь эта полная и чрезмѣрная свобода мнѣній... Сюда же относится и *свобода печати*, самая худшая изъ всѣхъ...“ Энциклика напоминаетъ дальше услуги, оказанныя *индексомъ*, и осуждаетъ „ученіе тѣхъ, кто не только отвергаетъ цензуру книгъ, но даже утверждаетъ, будто она противна началамъ справедливости, и осмѣливается отказывать церкви въ правѣ предписывать и примѣнять ее...“ [3]). Однако, несмотря на энциклику и другіе протесты папы Григорія XVI, единство вѣры на практикѣ уничтожилось, а *терпимость* фактически установилась даже въ Испаніи, Португаліи и позднѣе—въ Италіи.

Съ половины XIX столѣтія во главѣ католичества становится знаменитый папа Пій IX. Въ первые же годы его правленія разыгралась революція 1848 года, захватившая разныя страны Запада. Въ Италіи папа потерпѣлъ гоненіе отъ революціонеровъ. Понятно, изгнаніе папы изъ Рима должно было сдѣлать его рьянымъ врагомъ революціи. И дѣйствительно, по возвращеніи въ Римъ папа обнаружилъ полную рѣшимость бороться съ революціей и вообще—всякимъ либеральнымъ движеніемъ. „Спасительную плотину“ противъ революціи онъ видѣлъ въ свѣтской власти папъ и безусловномъ повиновеніи св. престолу. Въ этомъ духѣ издана была имъ цѣлая энциклика „Nostis et nobiscum“—къ епископамъ Италіи (отъ 8 дек. 1849 года). Въ ней папа объявляетъ, что онъ „обладаетъ верховной властью (primatum) надъ цѣлымъ міромъ“, и осуждаетъ соціализмъ и коммунизмъ—направленія, противныя божественнымъ и церковнымъ заповѣдямъ. Для постояннаго же проведенія въ общество воззрѣній католицизма путемъ печати былъ основанъ въ 1850 г. оффиціозный органъ папства: „Civilta catholica“. Задачей его было пересозданіе „еретическаго“ общества на основахъ власти римскаго папы и единства католической вѣры. Здѣсь излагались именно мысли самого папы Пія IX касательно такого возсозданія общества. Въ 1864 году папа Пій эти

[3]) Ш. Сеньобосъ. Политич. ист. соврем. Европы. Ч. II, стр. 637.

мысли облекъ въ форму новой энциклики къ христіанскому міру. Энциклика „Quanta cura“ (отъ 8 дек.) сопровождалась „Спискомъ современныхъ заблужденій“ (Syllabus), осужденныхъ римской куріею. Оба названные документа даютъ богатый матеріалъ для характеристики основныхъ воззрѣній папы по всѣмъ вопросамъ.

Кардиналъ Антонелли, въ „Письмѣ ко всѣмъ патріархамъ, примамъ, архіепископамъ и епископамъ, имѣющимъ благодать и общеніе Апостольскаго престола“, поясняетъ происхожденіе Силлабуса изъ особой ревности о вѣрѣ папы. Онъ пишетъ: „Святѣйшій Владыка нашъ, папа Пій IX, усиленно заботясь о спасеніи душъ и о здравомъ ученіи, съ самаго своего вступленія на папскій престолъ, въ своихъ окружныхъ посланіяхъ (энцикликахъ), консисторскихъ аллокуціяхъ и другихъ публично издававшихся апостольскихъ граматахъ, никогда не переставалъ запрещать и осуждать главныя заблужденія и ложныя ученія нашего нынѣшняго несчастнѣйшаго времени. Но такъ какъ могло случиться, что по крайней мѣрѣ не всѣ эти папскіе документы дошли до каждаго изъ епископовъ въ отдѣльности, то папа пожелалъ, чтобы составленъ былъ списокъ (Syllabus) этихъ самыхъ заблужденій для разсылки его Архипастырямъ всего католическаго міра, дабы эти Архипастыри могли имѣть у себя предъ глазами всѣ осужденныя и запрещенныя имъ заблужденія и пагубныя ученія...“ [4]).

Въ Энцикликѣ и Силлабусѣ, какъ и во многихъ своихъ аллокуціяхъ, папа Пій IX наложилъ на современный ему либерализмъ суровое veto и предалъ анаѳемѣ все свободное и живое въ области вѣры и мысли. Онъ осудилъ всякое естественное ограниченіе произвола католической іерархіи и отвергъ неотъемлемое право каждаго человѣка на свободу вѣры и слова, во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ этой свободы. Папою осуждены: а) всякій, кто допускаетъ свободу совѣсти и исповѣданія; б) всякій, кто признаетъ свободу слова; в) всякій, кто отстаиваетъ свободу печати; г) всякій, кто утверждаетъ, что Церковь

[4]) Письмо приложено къ сочин. В. Гладстона: «Римъ и папа предъ судомъ совѣсти и исторіи». Р. пер. 1903.

не должна употреблять силу; д) всякій, кто утверждаетъ, что государство можетъ установить какую-либо иную религію, кромѣ „римской“, или—что было бы похвально въ странахъ, именуемыхъ католическими, дозволить свободное исповѣданіе другихъ религій, е) всякій, кто думаетъ, что римскій первосвященникъ долженъ прійти къ соглашенію съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей.

Подлинныя выраженія Энциклики и Силлабуса по даннымъ пунктамъ таковы: „Въ силу совершенно ложнаго понятія объ общественномъ управленіи, они не боятся поддерживать то ошибочное мнѣніе, въ высшей степени пагубное для католической церкви и для спасенія душъ и блаженной памяти Григоріемъ XVI, предшественникомъ нашимъ, названное *бредомъ*,—что свобода совѣсти и вѣроисповѣданій есть право, принадлежащее каждому человѣку, которое въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ должно быть возвѣщаемо и охраняемо закономъ, и что граждане имѣютъ право на всяческую, никакою ни церковною, ни гражданскою властію не стѣсняемую свободу открыто и публично выражать и провозглашать свои убѣжденія, каковы бы они ни были, посредствомъ слова, или печати, или инымъ какимъ-либо способомъ.“ [5]). Осуждаются нечестивыя мнѣнія: 1) „Въ настоящее время нельзя болѣе считать полезнымъ, чтобы католическая религія признавалась единственной государственной религіей съ исключеніемъ всѣхъ другихъ какихъ бы то ни было вѣроисповѣданій» [6]); 2) „вслѣдствіе этого достойно похвалы, что въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ закономъ предусмотрѣно, чтобы людямъ, въ нихъ поселяющимся, дозволено было каждому открытое отправленіе его культа“ [7]); 3) „не правда, конечно, что гражданская свобода всѣхъ вѣроисповѣданій, а также предоставленная всѣмъ полная возможность явно и публично проявлять какіе бы то ни было взгляды и мнѣнія, ведетъ будто бы къ легчайшему развратy нравовъ и умовъ народа и къ рас-

---

5) Epistol. Encycl. 8 Дек. 1864.

6) Syllabus, LXXVII; Alloc. «Nemo vestrum», 26 jul. 1855.

7) Syllab. LXXVIII; Alloc. «Acerbissimum», 27 sept. 1952.

пространенію язвы индифферентизма [8]); 4) церковь не имѣетъ права пользоваться силой,—у нея нѣтъ никакой свѣтской власти, ни прямой, ни косвенной" [9]); „изученіе философскихъ и нравственныхъ вопросовъ, также какъ и гражданскіе законы могутъ и должны быть независимыми отъ божественнаго и церковнаго авторитета" [10]); 6) римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и согласоваться съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей. ." [11]).

Таковъ приговоръ освободительному движенію на Западѣ, произнесенный папою Піемъ IX и конгрегаціею католическаго духовенства, составлявшею Силлабусъ. Ясно отсюда, что папа подобнаго образа мыслей не могъ сочувственно отнестись къ законамъ разныхъ правительствъ, признававшимъ свободу за гражданами. Неудивительно поэтому, что, напр., испанскій законъ, допускавшій терпимость по отношенію къ другимъ формамъ религіи, встрѣтилъ со стороны папы строгое осужденіе (въ 1856 году). То же случилось и съ австрійскимъ закономъ, устанавливавшимъ свободу взглядовъ и печати, свободу вѣры и школьнаго преподаванія: папа осудилъ его въ особой аллокуціи (отъ 22 іюня 1868 г.). Позднѣе онъ осудилъ испанскую конституцію 1876 года—за ея вѣротерпимость. Для привлеченія же новыхъ членовъ въ лоно католической церкви Пій IX открылъ усиленную пропаганду латинства въ нѣкоторыхъ государствахъ. Онъ разсчитывалъ въ этомъ случаѣ и на поддержку свѣтскихъ властей, но послѣднія покровительствовали свободѣ вѣры и потому иногда даже запрещали стѣснительныя для гражданъ формы религіозной проповѣди католиковъ. Такъ поступило правительство Англіи и Голландіи. Разумѣется, либеральное общество всегда способно возмутиться безцеремоннымъ образомъ дѣйствій іезуитовъ-пропагандистовъ, не стѣснявшихся для достиженія сво-

---

[8]) Syllab. LXXIX; Alloc. «Nunquam fore», 15 dec. 1856.

[9]) Syllab. XXIV; Litt. Apost. «Ad apostolicae», 22 aug. 1851.

[10]) Syllab. LVII; Alloc. «Maxima quidem», 9 jun. 1862.

[11]) Syllab. LXXX, Alloc. «Tamdudum cernibus», 18 mart. 1861.—Русскій переводъ цит. Энцикликн и Силлабуса приложенъ къ сочин. В. Гладстона: «Римъ и папа пред. суд. сов. и'ист.» 1903.

ихъ цѣлей никакими дѣйствіями и всегда отличавшихся крайней нетерпимостью къ чужой вѣрѣ и свободѣ слова. „По нашему мнѣнію,— разсуждаетъ авторитетъ Запада — іезуитъ Шрадеръ, — и доселѣ было бы полезно, чтобы католическая религія поддерживалась въ качествѣ единственной государственной религіи, *съ исключеніемъ всѣхъ другихъ*.." [12]).

Послѣдніе годы своей жизни папа Пій IX провелъ въ постоянныхъ протестахъ во имя единства вѣры противъ нарушенія интересовъ св. престола въ разныхъ государствахъ Европы. Негодованіе свое онъ изливалъ въ особыхъ нотахъ къ нунціямъ, въ посланіяхъ къ духовенству и вѣрующимъ, въ частныхъ рѣчахъ къ паломникамъ Ватикана.

Смѣнившій Пія IX папа Левъ XIII во внѣшней и внутренней политикѣ продолжалъ дѣло своего предшественника. И онъ старался возродить общество на началахъ единства католической вѣры и преданности св. престолу. Современное общество ему казалось тоже еретическимъ, а потому онъ нашелъ нужнымъ повторить осужденія ему, высказанныя въ Силлабусѣ Пія IX. Его личная Энциклика 1878 г. „Inscrutabili" — осуждаетъ „законы, губящіе божественное учрежденіе католической церкви, принятые въ большей части государствъ", затѣмъ — „свободу учить и печатать все дурное", — дурное, конечно, съ точки зрѣнія римской куріи. Энцикликою 1884 года — „о сектѣ франъмасоновъ" - папа повторяетъ осужденія Пія IX противъ равенства людей и вѣротерпимости. То же самое осуждается его энцикликами 1885 г. — „Immortale Dei" — „о христіанскомъ установленіи государствъ" и 1888 г. — „о человѣческой свободѣ". Папа возстаетъ здѣсь противъ свободы убѣжденій, печати, вѣры и обученія, противъ общаго равенства и верховной власти народа. Перечисляется и осуждается много заблужденій „новаго порядка", и между ними особенно — вѣротерпимость: „государство... не исповѣдуетъ публично никакой вѣры, не должно ни искать, какая единственно истинная вѣра, ни предпочитать одну другой... всѣмъ должно удѣлять равныя права. Всѣ вопросы о вѣрѣ будутъ предоставлены рѣшенію частныхъ лицъ; всякій бу-

[12]) В Гладстонъ Римъ и папа.. Стр. 76

детъ свободенъ исповѣдывать какую хочетъ вѣру, или даже никакую, если ему никакая не нравится...“

Но въ Энцикликѣ 1888 г. уже замѣтна нѣкоторая уступка папы современному теченію жизни. Осуждая свободу совѣсти и слова, Левъ XIII уже соглашается признавать свободу условную. Именно: папа признаетъ „право свободно и разумно распространять все то, что правдиво и честно;“ относительно же „лживыхъ мнѣній“ справедливо, - говоритъ энциклика, чтобы „общественная власть ихъ подавляла, дабы не дать имъ распространиться на гибель государства“. И относительно вѣротерпимости „Церковь принимаетъ въ разсчетъ человѣческую слабость и видитъ теченіе, увлекающее нашу эпоху. Вслѣдствіе этого, хотя она и признаетъ *права* только за истинными и честными дѣлами, однако не противится тому, чтобы государственная власть допускала и нѣчто противное истинѣ и справедливости, ради избѣжанія большаго зла или достиженія и сохраненія большаго блага...“ Но,—заключаетъ энциклика,—„все-таки остается непреложнымъ, что эта свобода всѣхъ и во всемъ не желательна сама по себѣ, потому что неразумно, чтобы ложное пользовалось тѣми же правами, какъ и истина...“ [13]).

Принципъ единства вѣры былъ всегда крѣпокъ въ политикѣ и Льва XIII. Въ 1894 г. онъ рельефно проявился въ папской энцикликѣ „къ монархамъ и народамъ вселенной“—о соединеніи церквей. Это—призывъ всѣхъ исповѣданій къ единенію подъ ферулой св. престола, при неприкосновенности обрядовыхъ отличій. Видимо, первоначальный ригоризмъ римской куріи уже значительно стушевался. Политическая жизнь Европы, очевидно, отшлифовала и такую твердыню—„скалу“ (πέτρα), какъ ватиканизмъ...

Революція лишила католическое духовенство существенной власти и правъ. Вопреки энергичнымъ протестамъ, исходившимъ отъ святѣйшихъ папъ, она уничтожила стѣснительное, обязательное для всѣхъ единство вѣры и духовной цензуры. Взамѣнъ этого въ теченіе XIX вѣка повсюду на Западѣ утвердились и вошли въ общественную жизнь свобода совѣсти, свобода слова, свобода печати.

[13]) Ш. Сеньобосъ. Политич. ист. совр. Евр. ч. II, стр. 654—655.

II.

Въ Россіи.

Шустъ, правый путь во тьмѣ теряя,
Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ...
(Гр. Голенищевъ-Кутузовъ).

Совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ.
(Петръ Великій) [1]).

Духовенство православнаго востока—далеко не то, что представляетъ собою духовенство католическаго запада. И Синодъ—совсѣмъ не то на Руси, что въ Европѣ папа. Римскій папа во мнѣніи католиковъ—олицетвореніе величія и власти. Это—непогрѣшимый намѣстникъ Христа, на апостольскомъ престолѣ, гордый и могучій, духовный и свѣтскій владыка, поборникъ самостоятельности, врагъ обмірщенія и порабощенія Церкви, грозный обличитель и судья всѣхъ, изрекающій проклятія и государямъ и государствамъ. Іерархія на всѣхъ ступеняхъ—его блестящая помощница. На Руси—у православныхъ не то. Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ иного рода, другого типа—византійскимъ... За то не видимъ ни особенной фанатичности духовенства, ни окружныхъ посланій—буллъ и силлабусовъ, направленныхъ противъ правительствъ...

Русская церковная администрація въ XIX столѣтіи находилась въ порабощеніи у свѣтской власти. Извѣстный архимандритъ Фотій, жившій въ первой половинѣ этого вѣка, весьма характерно обрисовалъ такое положеніе Церкви, назвавъ его въ своихъ запискахъ „плѣномъ у мірской власти“. А потому не удивительно, что всѣ распоряженія высшаго духовенства въ значительной степени отражали на себѣ тотъ или иной взглядъ

[1]) Изъ грам. Петр. В. польскому королю Августу II—9 март. 1718 г

императорскаго правительства. Въ зависимоси отъ воззрѣній этого послѣдняго предпринимались всѣ важныя мѣры, издавались законы, писались указы именемъ церковной власти. Результатомъ такой зависимости, взаимоотношенія мірскихъ и духовныхъ властей были частыя колебанія въ области внутренней политики, особенно—по вопросамъ церковно-общественной жизни, неустойчивость церковно-правительственныхъ принциповъ, отсутствіе открытой, прямой и послѣдовательной тактики со стороны православнаго духовенства.

Всегда зависимое отъ мірской власти, то подавляемое, обезличиваемое ею, то пользующееся сравнительной свободой въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ, русское духовенство и вѣротерпимость свою проявляло не одинаково въ разные періоды одного и того же столѣтія. Само по себѣ доброе и благодушное, какъ всѣ *русскіе* люди, оно дѣлалось суровымъ, болѣе строгимъ къ другимъ исповѣданіямъ и къ свободному слову, если такого именно отношенія къ свободѣ требовала мірская власть; мѣнялись взгляды у свѣтскаго правительства,—либеральнѣе, миролюбивѣе становилось и церковное начальство. Св. Синодъ, поставленный въ зависимость отъ государства и подъ контроль государственныхъ чиновниковъ, въ лучшемъ случаѣ долженъ былъ прислушиваться къ желаніямъ государей и къ мнѣніямъ своего оберъ-прокурора, министровъ—народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; случалось иногда ему совсѣмъ даже терять свою самостоятельность и быть только орудіемъ, проводникомъ въ жизни русскаго общества идей свѣтскихъ администраторовъ. Поэтому, вслѣдствіе вліянія мірского элемента, едва-ли не главнаго фактора въ синодальной средѣ, отношеніе церковной власти къ свободѣ совѣсти и слова у насъ отличается непостоянствомъ, частой измѣнчивостью, хотя въ общемъ на протяженіи почти всего столѣтія доминируетъ нота нетерпимости.

Девятнадцатое столѣтіе началось царствованіемъ гуманнаго императора Александра I-го. Первое время его правленія справедливо считается либеральнымъ. Въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 9 апр. 1801 г., по поводу старообрядчества, было высказано общее требованіе вѣротерпимости: „Съ заблуждающимися

по простотѣ и невѣжеству, уклоняющимися отъ правовѣрія и правилъ, св. Церковію утвержденныхъ, вмѣсто строгости, съ каковою до сего времени было съ ними поступаемо и которая не къ исправленію, но къ единому ожесточенію ихъ служить можетъ, отнынѣ впредь не дѣлать имъ ни малѣйшаго притѣсненія, но предоставлялось бы духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истинный безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, но съ кротостію, съ терпѣніемъ и съ усернымъ настояніемъ... имѣть только попеченіе, чтобы повсемѣстное спокойствіе вездѣ нарушаемо не было. Нарушителей же онаго отсылать къ сужденію по законамъ, куда слѣдуетъ“ [2]). Духовенство сразу было призвано къ работѣ надъ собственной реформою, и въ имперіи фактически установилась вѣротерпимость. По вопросу же о свободѣ слова и религіозной мысли были, правда, и тогда стѣсненія со стороны духовной цензуры: по уставу о цензурѣ 1804 года всѣ книги и сочиненія, до вѣры относящіяся и подлежащія къ печатанію въ духовныхъ типографіяхъ, должны были разсматриваться духовною цензурою, находящеюся въ вѣдѣніи Св. Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Затѣмъ тяжкія бѣдствія отечественной войны съ Наполеономъ, опустошеніе французами московскихъ храмовъ, поруганіе ими святыни вселили въ сердца русскихъ людей нерасположеніе къ вѣрѣ враговъ своихъ. А духовенство свое горькое сознаніе вреда прежнихъ галломанскихъ увлеченій выразило даже въ молебной службѣ на освобожденіе отъ галловъ: „о ихъ же ревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣяхомъ враговъ буіихъ и звѣронравныхъ...“ [3]).

Послѣ умиротворенія Европы, потрясенной Наполеономъ I, въ ней наступила пора реакціонной политики священнаго союза государей. Реакція проникла и въ Россію, гдѣ наложила свою тяжелую руку и на свободу мыслей и убѣжденій. Религіозная сторона политики священнаго союза оказала сильное вліяніе на русскую жизнь и захватила собою все общество. Вольнодумству уже не стало мѣста даже среди правящихъ сферъ. Либерализмъ

[2]) П. Знаменскій. Чтен. изъ ист. рус. церкви. Пр. Соб. 1885. III. Стр. 276.
[3]) Молебн. пѣніе въ день Рожд. Христова.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СС

смѣнился религіозностью. Но религіозность получила одностороннее направленіе и перешла въ мистицизмъ, чуждый православной вѣрѣ и близко подходящій къ протестантизму. Ревностнымъ мистикомъ былъ и новый министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. А. Голицынъ, усердно распространявшій свои воззрѣнія. Для пропаганды идей кружка, ради религіозно-просвѣтительной дѣятельности его было основано Россійское Библейское Общество. Въ Обществѣ участвовали и наши духовныя лица—митрополиты и архіереи, засѣдавшіе вмѣстѣ со всѣми иновѣрцами: католиками, лютеранами, кальвинистами, квакерами и проч. Православная Церковь въ глазахъ библейцевъ теряла свое исключительное, господствующее положеніе;—утверждалась равноправность всѣхъ исповѣданій, при чемъ предполагалось, что въ будущемъ всѣ они сольются въ единую божественную христіанскую религію. Библейскій комитетъ издавалъ религіозныя книги, всѣ почти—мистическаго характера. Книги печатались мимо духовной цензуры. Церковная власть должна была мириться съ этимъ и не противодѣйствовала явно. Съ ея же дозволенія Управленіе училищъ строго слѣдило во всѣхъ школахъ за согласіемъ преподаванія съ вѣрою. Учебники тщательно очищались отъ еретическихъ мыслей, каковою, наприм., считалась мысль о вращеніи земли вокругъ солнца; неблагонадежныя науки изгонялись изъ курсовъ. Всюду усердно насаждалась мистическая религія, въ сущности—профанація истинной вѣры и ханжество.

Къ сочиненіямъ противнаго направленія просвѣтители-мистики относились крайне враждебно. Цензура была строга—и свѣтская, и духовная. Стѣсненія со стороны духовной цензуры, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ мистицирующаго начальства, были тяжелы для самого духовнаго вѣдомства. Нетерпимость къ чужому мнѣнію лишила возможности православное духовенство писать обличительныя статьи противъ мистическихъ авторовъ. Церковная власть нѣкоторое время была связана, и нетерпимость въ области убѣжденій, противныхъ мистицизму, царствовала подъ ея, церковной, ферулой. Но были отдѣльные случаи и борьбы съ мистиками со стороны православнаго духовенства.

Такъ, ректоръ С.-Петербургской духовной семинаріи, архимандритъ Иннокентій отказался отъ званія члена Библейскаго Общества и напалъ на мистическій органъ его—„Сіонскій Вѣстникъ“. Однако, само же духовное начальство заставило Иннокентія извиниться за это предъ кн. Голицынымъ, покровительствовавшимъ Вѣстнику. Въ другой разъ Иннокентій, бывшій духовнымъ цензоромъ, получилъ строжайшій выговоръ отъ Голицына за то, что пропустилъ въ печать анти-мистическую книгу Е. Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“. Архимандрита Иннокентія послѣ этого выслали изъ Петербурга въ далекую провинцію, съ назначеніемъ на епископскую каѳедру. Ясно отсюда, что нетерпимость духовнаго министра къ свободѣ слова и совѣсти была слишкомъ сильна.

Борьба духовенства съ Библейскимъ Обществомъ и мистиками все таки продолжалась, хотя велась еще болѣе или менѣе скрытно. Съ возведеніемъ на петербургскую митрополію Серафима она стала крѣпнуть. Митрополитъ Серафимъ сразу же заявилъ себя опаснымъ врагомъ библейцевъ. Его поддерживалъ архимандритъ Фотій. Дѣло о переводѣ сочиненія Гёснера: „Духъ жизни и ученія Іисуса Христа“, предпринятомъ секретаремъ Библейскаго Общества, рѣшилъ борьбу въ пользу православнаго духовенства. На книгу Гёснера написаны были рѣзкія замѣчанія Магницкимъ, бывшимъ раньше въ лагарѣ мистиковъ, и книгу признали богохульною, безбожною. Митр. Серафимъ лично просилъ Государя объ истребленіи книги Гёснера и другихъ еритическихъ сочиненій, просилъ тутъ же и о смѣнѣ министра Голицына. Просьба о книгахъ была уважена Государемъ. Такимъ образоръ книга Гёснера была обречена на истребленіе, а всѣ лица, участвовавшія въ ея изданіи, отданы подъ судъ. Скоро и Голицынъ былъ уволенъ отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Этимъ онъ вызвалъ, какъ писалъ Фотій, большую радость въ духовенствѣ, Св. Синодъ торжествовалъ и въ торжествѣ своемъ сталъ относиться къ противникамъ православія такъ же сурово, какъ библейцы относились къ противникамъ мистицизма,—тоже нетерпимо

Митрополитъ Серафимъ былъ назначенъ президентомъ Би-

блейскаго Общества. Изданіе Библіи перешло снова къ Синоду „Библію будемъ печатать опять только при Синодѣ", говорилъ митрополитъ Серафимъ. На вѣротерпимости Серафима сказалось вліяніе министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, А. Шишкова. Новый министръ, подъ знаменемъ чистаго православія, выступилъ на своемъ поприщѣ въ качествѣ борца за истину противъ всякаго неправовѣрія и мистицизма, противъ либеральной науки и литературы. Поклонникъ стараго слога, онъ доказывалъ, что предметы вѣры должны быть выражаемы исключительно на славянскомъ языкѣ, а переводъ свящ. книгъ на русскій языкъ искренно считалъ возмутительной профанаціей ихъ. Такіе крайніе взгляды министра отразились и на дѣятельности довѣрявшаго ему митрополита. Митрополитъ Серафимъ часто развивалъ и проводилъ въ жизнь идеи Шишкова, дѣлая о нихъ собственныя представленія Государю. Такъ онъ докладывалъ Государю „о союзѣ" Библейскаго Общества съ мистическими лжеученіями и просилъ закрыть Общество, доказывалъ Государю необходимость принятія мѣръ противъ размноженія въ Россіи разныхъ сектъ, заявлялъ даже о вредѣ всеобщаго обращенія Библіи. Очевидно, и самъ митрополитъ, вмѣстѣ съ другими, допускалъ смѣшеніе библейскаго дѣла съ Библейскимъ Обществомъ и потому сталъ противникомъ переводовъ и всеобщаго распространенія свящ. книгъ. По поводу такого смѣшенія разнородныхъ понятій Стурдза писалъ въ своихъ запискахъ: „Сперва пересадили изъ-за границы на нашу почву протестантское ученіередж,е объявили оное независящимъ отъ Церкви, пустились безъ разбора печатать новыя изданія и переводы Библіи, мимо надзора и власти іерарховъ, запретили въ нихъ всякое толкованіе свящ. текста.. Потомъ туча нашла: громы ударили въ Россійское Библейское Общество, а съ нимъ прекратились дешевыя изданія ветхаго и новаго завѣта на пользу и утѣшеніе вѣрующихъ, какъ будто библейское дѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ Синода перестало быть дѣломъ Божіимъ за то только, что Общество, имъ занимавшееся, попало въ немилость! Разбили сосудъ и вмѣстѣ—пролили хранившееся въ немъ драгоцѣнное мyро..." [4]).

[4]) П. Знаменскій. Чтен. изъ ист. рус. ц. Пр. Соб. 1885. I Стр. 295—6.

Гоненіе на Библейское Общество продолжалось до 1826 г., когда оно было закрыто. Параллельно гоненію на самое Общество подвергались преслѣдованію со стороны свѣтской и духовной власти и книги, изданныя Обществомъ. Св. Синодъ, совмѣстно съ министромъ народнаго просвѣщенія, разослалъ распоряженія по духовному вѣдомству объ отобраніи изъ библіотекъ всѣхъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и нравственности и напечатанныхъ безъ духовной цензуры. Конфискованныя книги велѣно было хранить за печатями до особаго предписанія. Синодальныя распоряженія ревностно исполнялись епархіальными начальствами. Въ результатѣ много книгъ въ провинціи подверглось осужденію и запрещенію. Подъ опалу попадали и невинныя сочиненія. Наприм., въ Тобольской епархіи были запрещены „Черты дѣятельнаго ученія вѣры“ І. Кочетова, Слова Бурдалу, Записки Манштейна и др. Самимъ же Синодомъ были осуждены—въ частности: 1) Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, 2) Таинство креста Іисуса и членовъ его, 3) Путь ко Христу, 4) Побѣдная повѣсть, 5) Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ свободныхъ каменщиковъ, 6) Сіонскій Вѣстникъ, 7) Краткое разсужденіе о важныхъ предметахъ жизни Христа, 8) Сочиненія г-жи Гіонъ (Гюйнъ), 9) Божественная философія и проч. Для разсмотрѣнія заподозрѣнныхъ въ неправославіи книгъ былъ учрежденъ при Петербургской духовной академіи спеціальный комитетъ изъ двѣнадцати духовныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ Ректора. Свобода слова была поставлена въ тѣсныя рамки. Богословская мысль существовала подъ гнетомъ предержащихъ властей. Въ это строгое время подверглись запрещенію даже катехизисы Филарета—полный и краткій и его Записки на книгу Бытія. Запретнымъ же въ этихъ книгахъ оказалось лишь то, что молитвы и нѣкоторые тексты въ нихъ передавались по русски: „не должно излагать текста на общеупотребительномъ языкѣ“ [5]). Такъ ревновалъ о вѣрѣ министръ Шишковъ, по его внушенію—Государь и потомъ—Св. Синодъ.

---

[5]) «Записки о жизни Филарета», Сушкова. Стр. 115.—А. Скабичевскій. Очерки истор. рус. цензуры. СПБ. 1892. Гл. X.

Православная вѣра была ограждена покровительственными законами. Обязанности вѣроисповѣданія и богопочтенія вмѣнялись каждому въ непремѣнный долгъ Уклоненіе отъ этого священнаго долга ставилось въ вину и строго наказывалось. Св. Синодъ не разъ подтверждалъ, съ Высочайшаго соизволенія, своими указами, что отступленіе отъ правилъ вѣры составляетъ важное преступленіе, подлежащее уголовному суду. За нарушеніе церковнаго благочинія подвергались уголовному суду тогда и духовныя лица. А ради предотвращенія ихъ отъ тяжкихъ преступленій и въ назиданіе другимъ Св. Синодомъ была введена публикація по епархіямъ чрезъ печатные листы „о предосудительныхъ, противузаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ во время служенія и послѣ онаго духовными лицами, и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію". Впрочемъ публикаціи эти, сильно вредившія репутаціи православнаго духовенства, скоро были Синодомъ же отмѣнены, да и самые законы о подсудности духовенства послѣ того измѣнились.

Въ послѣднюю половину царствованія Александра I сдѣлала большіе успѣхи наша миссія. Въ помощь ей издано было много указовъ и допущено нѣсколько мѣръ, ограничивающихъ и стѣсняющихъ пропаганду другихъ исповѣданій. Такъ, была стѣснена пропаганда іезуитовъ, а затѣмъ и самый орденъ ихъ былъ упраздненъ въ Россіи. У гернгутеровъ отняли данное имъ прежде разрѣшеніе на обращеніе въ христіанство калмыковъ. Вновь обращать въ христіанскую вѣру гернгутерамъ было запрещено, а обращенныхъ уже ими калмыковъ велѣно причислить къ православной Церкви. Запрещена была, дальше, пропаганда муллъ среди новокрещеныхъ татаръ, такъ какъ послѣдніе нерѣдко переходили обратно въ исламизмъ. Стѣснено публичное оказаніе старообрядчества. Въ Московской губерніи духовное начальство возставало противъ старообрядческихъ крестныхъ ходовъ, въ Петербургѣ—жаловалось Государю на одного губернатора (Саратов.) за разрѣшеніе старообрядцамъ построить въ городѣ церковь. Св. Синодъ долго противился просьбѣ старообрядцевъ объ открытіи типографіи для печатанія старыхъ книгъ и согласился

лишь на открытіе *единовѣрческой* типографіи, подъ строгимъ надзоромъ православнаго духовенства. Видя распространеніе старообрядчества, духовенство часто обращалось съ жалобой къ гражданскому правительству и просило содѣйствія противъ отщепенцевъ. Но напрасно: его паствы уменьшались, а число старообрядцевъ росло. Замѣтно размножилось и сектантство, хотя мистическія и раціоналистическія секты энергично преслѣдовались духовною властью въ концѣ царствованія Александра (Благословеннаго). Тогда потерпѣли гоненіе за вѣру хлысты, скопцы, духоборы, молокане. Нѣкоторыхъ изъ нихъ за изувѣрство и пропаганду разослали по монастырямъ — въ тюрьмы, другихъ массами выселяли на Кавказъ и Сибирь.

Подобное состояніе вѣротерпимости служитъ естественнымъ переходомъ къ болѣе суровымъ мѣропріятіямъ царствованія императора Николая I-го.

Николаевскій періодъ въ исторіи церковно общественной жизни извѣстенъ суровой нетерпимостью къ свободѣ совѣсти и слова. Церковная власть продолжала начатое уже дѣло преслѣдованія иновѣрія и сектантства, при чемъ подъ вліяніемъ Императора и синодальныхъ оберъ-прокуроровъ усилила его еще больше. Какъ и прежде, признанныя вредными книги запрещались; духовной цензурѣ вмѣнялось въ обязанность строго слѣдить за выпускаемыми изъ печати сочиненіями. Соотвѣтственно этому требованію цензура получила особый уставъ. Подозрительныя общества закрывались; книги, опасныя для вѣры и нравственности, конфисковались, попрежнему. Было обращено также строгое вниманіе на преподаваніе наукъ въ духовныхъ школахъ. Оберъ-прокуроръ гр. Н. А. Протасовъ усиленно заботился о воспитаніи духовнаго юношества въ чистомъ православіи, соотвѣтственно древнимъ канонамъ вселенской церкви. Государю онъ жаловался даже на то, что уставомъ духовныхъ училищъ 1814 г. предписывалось „держаться по каждой наукѣ на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами“ [1]). Графъ видѣлъ въ этомъ ложное и вредное направленіе, увлекающее учителей и учениковъ въ сторону еретическаго Запада. Для огражденія

[1]) Ѳ. Благовидовъ. Оберъ-Прокуроры Св. Синода. Пр. Соб. 1899. Іюнь. Стр. 774.

юношей онъ совѣтовалъ усерднѣе учить въ школѣ отеческія толкованія свящ. писанія и требовалъ, чтобы изъ духовныхъ наукъ былъ изгнанъ „систематизмъ, придающій имъ видъ наукъ свѣтскихъ“. Члены Св. Синода смотрѣли на все глазами оберъ-прокурора и одобряли его проекты. Предложеніе московскаго митрополита Филарета о синодальномъ изданіи русскаго перевода Библіи опять не встрѣтило сочувствія ни въ Государѣ и оберъ-прокурорѣ, ни въ Синодѣ. Петербургскій митрополитъ Серафимъ, сообразно съ желаніемъ г. оберъ-прокурора, нашелъ, что предположенія Филарета о возможности изданія на русскомъ языкѣ свящ. писанія отъ лица Св. Синода излишни и даже опасны. Съ своей стороны митроп. Серафимъ, ратуя за чистоту и святость библейскаго текста и за нравственность народа, заявилъ, что никому и ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ дозволять переводить Библію на русскій языкъ. Нѣкоторые изъ членовъ Синода раздѣляли эти мысли Серафима и, вставши на почву католичества, по примѣру латинянъ утверждали, что не слѣдуетъ всѣмъ христіанамъ дозволять чтеніе слова Божія. „Слушать свящ. писаніе можно всякому, дабы вѣровать сердцемъ въ правду и устами исповѣдовать во спасеніе; но читать Библію всякому нельзя — опасно: все равно, что младенцамъ давать твердую, крѣпкую пищу“—разсуждали синодальные архіереи Поэтому приняты были мѣры къ сохраненію неприкосновенности свящ. текста Библіи и противъ распространенія русскихъ переводовъ священныхъ книгъ [2]).

Для характеристики отношеній церковной власти къ свободѣ совѣсти и слова въ данную эпоху особенно важно и интересно сложное дѣло по поводу литографированныхъ списковъ Библіи. Оно началось вслѣдствіе анонимнаго доноса, присланнаго изъ г. Владимира. Предполагаютъ, что доносъ сочинялъ іеромонахъ Агаѳангелъ, баккалавръ Московской духовной академіи. „Недавно вышелъ въ Петербургѣ литографированный русскій переводъ учительныхъ и пророческихъ книгъ ветхозавѣтнаго канона“ (кромѣ псалмовъ), писалъ доносчикъ. Разумѣлся переводъ протоіерея Г. П. Павскаго, профессора Петер-

[2]) Рус. Архивъ. 1878. Ч. III. Стр. 522—4.

бугской духовной академіи, сдѣланный самимъ профессоромъ вмѣстѣ со студентами академіи и быстро распространившійся по другимъ академіямъ. Въ доносѣ переводъ Павскаго подвергнутъ былъ критикѣ: авторъ указалъ нѣсколько примѣровъ неточности перевода, заблужденія въ пониманіи пророческихъ мѣстъ, искаженія смысла, употребленія грубыхъ, „деревенскихъ“ выраженій. Св. Синодомъ рѣшено было разслѣдовать это дѣло. Слѣдствіе было поручено спеціальному комитету подъ предсѣдательствомъ ревельскаго епископа Венедикта. Начались допросы, обыски, конфискація литографированныхъ экземпляровъ переводной Библіи. Многіе изъ духовенства отнеслись сочувственно къ русскому переводу Библіи, но другіе, преимущественно вліятельные и власть имущіе, оказались попрежнему врагами его. Митроп. Серафимъ былъ возмущенъ появленіемъ перевода Павскаго и въ письмѣ къ оберъ-прокурору гр. Протасову такъ изливалъ свою горечь: „При извѣстіи объ упомянутомъ переложеніи я исполнился душевнаго прискорбія, какъ потому, что такое злоупотребленіе святынею, очевидно, угрожаетъ той чистотѣ, въ которой ученіе вѣры преподавалось въ отечествѣ нашемъ, такъ и потому, что такое злокачественное посягательство явилось отъ имени и посреди духовнаго юношества, отъ котораго мы ожидаемъ вѣрныхъ и усердныхъ пастырей и служителей Церкви... Разсматривая сей случай со всѣхъ сторонъ, я, къ величайшему прискорбію, усматриваю въ немъ горестное послѣдствіе тѣхъ ложныхъ насчетъ употребленія слова Божія понятій, которыя, бывъ нѣкогда занесены къ намъ иновѣрцами и увлекши умы нѣкоторыхъ у насъ, угрожали іерархіи подрывомъ власти, народу—воспитаніемъ обольстительнаго, но вмѣстѣ и гибельнаго чувства независимости отъ Церкви, православію—ниспроверженіемъ коренныхъ началъ его; ибо, по ученію православной Церкви, свящ. писаніе передано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже чрезъ нихъ—народу...“ Въ заключеніе письма онъ предложилъ: „1) дознать съ полною достовѣрностью, кто именно тотъ, и тѣ, которые возбудили студентовъ приступить къ такому дѣлу: ибо не можетъ онъ допустить, чтобы студенты приступили къ тому сами безъ

руководства, безъ опыта, безъ связи съ прежнимъ, воспрещеннымъ образомъ мыслей; а затѣмъ—виновнымъ пресѣчь всякую возможность посягать на подобныя дѣйствія, испытавъ совѣсть и тѣхъ, которые почему-либо знали о существованіи зла и оказывали грѣховное равнодушіе, не поспѣшивъ обнаружить того, какъ требовали и присяга и польза Церкви; 2) усилить мѣры, которыя уже приняты г. оберъ-прокуроромъ, чтобы на будущее время все воспитаніе духовнаго юношества направлено было къ сохраненію во всей неприкосновенности прямого православнаго ученія вѣры и ограждено отъ всякаго колебанія мыслями иновѣрныхъ, и чтобы никто, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ, не отваживался посягать на переложеніе свящ. писанія, долженствующаго оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ оно принято нами отъ нашихъ благочестивыхъ предковъ и донынѣ служило закономъ нашего благоденствія .." [3]).

Но власти переусердствовали и не въ мѣру раздули дѣло Павскаго. Слѣдствіе же не нашло въ немъ характера антирелигіознаго. Въ этомъ духѣ и былъ составленъ докладъ Синоду новымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ волынскаго архіепископа Никанора. По смыслу доклада выходило, что проф. Павскій составлялъ переводы съ еврейскаго языка съ введеніями и замѣчаніями единственно для руководства студентамъ при изученіи преподаваемаго имъ еврейскаго языка, а отлиграфированы они были безъ его вѣдома и согласія—„по неразумѣнію студентовъ." На основаніи такого доклада Св. Синодъ 7 и 10 марта 1844 г. сдѣлалъ слѣдующія постановленія, по Высочайшемъ утвержденіи (12 марта) приведенныя въ исполненіе: „1) прот. Павскій освобождается отъ отвѣтственности въ налитографированіи перевода Библіи и участіи въ распространеніи его. Но какъ въ переводѣ и особенно въ введѣніяхъ, оглавленіяхъ и примѣчаніяхъ есть мѣста, противныя ученію православной Церкви, а это не можетъ быть терпимо въ совершителѣ тайнъ божественныхъ, то епископу полтавскому Гедеону поручается испытать келейно искренность раскаянія Павскаго и о послѣдую-

[3]) А. Скабичевскій. Очерки ист. рус. ценз. Гл. XVI, стр. 320—321.

щемъ донести Св. Синоду съ своимъ заключеніемъ и съ приложеніемъ собственноручнаго исповѣданія Павскаго и подписки о неуклонномъ исполненіи обязанностей званія своего до конца жизни 2) Воспитанниковъ, участвовавшихъ въ налитографированіи и распространеніи перевода, подвергнуть строгому наблюденію со стороны духовно-училищнаго и епархіальнаго начальства за образомъ ихъ мыслей и дѣйствій. 3) Всѣмъ наставникамъ С.-Петербургской академіи и въ особенности членамъ конференціи, имѣвшимъ у себя экземпляры и не представившимъ ихъ въ свое время начальству, сдѣлать строгій выговоръ. На наставниковъ прочихъ духовно-учебныхъ заведеній, прикосновенныхъ почему-либо къ настоящему дѣлу, обратить особенное вниманіе мѣстныхъ архіереевъ—съ тѣмъ, что если они усмотрятъ что-либо неправильное въ ихъ преподаваніи или образъ мыслей, то доносили бы объ этомъ Св. Синоду. 4) Всѣ собранные экземпляры, какъ литографированные, такъ и рукописные, уничтожить, оставивъ по одному отъ каждаго изданія въ синодальномъ архивѣ за печатью.“ [4]).

Одновременно съ прот. Павскимъ надъ русскимъ переводомъ Библіи трудился архим Макарій, алтайскій миссіонеръ. Въ 1837 году онъ прислалъ русскій переводъ книги Іова въ Комиссію духовныхъ училищъ и просилъ объ изданіи его для употребленія въ духовныхъ училищахъ. Но профессоръ Петербургской дух академіи, прот. Ивановъ отозвался о переводѣ неодобрительно и не допустилъ его для школьнаго употребленія. Тогда Макарій исправилъ свои переводы по переводамъ Павскаго и представилъ въ Св. Синодъ при особомъ посланіи. Одобренія онъ опять не получилъ, а отъ Синода дождался грознаго опредѣленія (11 апр. 1841 г.), съ наложеніемъ на переводчика эпитиміи за то, 1) „что архим. Макарій, употребляя предъ Св. Синодомъ настояніе о продолженіи перевода св. писанія на русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, и тѣмъ болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ, уже принятымъ по сему предмету высшею властію, 2) что неосмотрительная ревность его основывается на

[4]) Тамъ же, стр. 323.

непогрѣшительномъ мнѣніи, будто церковь россійская не имѣетъ всего св. писанія на природномъ нарѣчіи россійскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ славянско-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ богослуженіи, и на которомъ простолюдины св писаніе читаютъ и разумѣютъ",—преосвященному томскому поручено было „вызвать" архим. Макарія въ архіерейскій домъ и „удержать" его тамъ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по надобности,— „для очищенія совѣсти его отъ поступка, несообразнаго съ долгомъ подчиненности, назначить ему молитвенную эпитимію съ поклонами по силѣ и по усмотрѣнію преосвященнаго", затѣмъ—„отпустить его къ мѣсту служенія съ подтвержденіемъ, чтобы данныя Богомъ способности и время употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть церковную призванъ..." [5]).

Однако, неудачи и грозная эпитимія не могли остановить архим. Макарія въ его начинаніяхъ, даже не охладили его ученаго пыла. Въ ноябрѣ 1841 г. онъ вновь представилъ извлеченіе изъ переводовъ Библіи на русскій языкъ—на этотъ разъ московскому генералъ-губернатору, кн. Голицыну и просилъ его содѣйствія по изданію переводовъ. Изъ Москвы рукопись была переслана въ Петербургъ, къ оберъ-прокурору гр. Протасову и чрезъ нѣкоторое время снова попала въ Синодъ, съ отзывомъ ректора петербургской академіи, преосвящ. Аѳанасія. Синодъ по ней въ 1842 г., 31 дек., постановилъ новое опредѣленіе объ архим. Макаріи въ прежнемъ же, суровомъ духѣ и съ угрозою подвергнуть его законному взысканію, если не смирится и не исправится. А въ слѣдующемъ 1843 году злополучный переводчикъ Библіи былъ уже уволенъ отъ алтайской миссіи и назначенъ настоятелемъ Болховскаго Оптина монастыря, Орловской губ., гдѣ скоро и скончался.

Вообще духовное начальство строго берегло христіанъ отъ всякихъ новшествъ и отъ прилива какихъ-либо неправославныхъ идей. Оно слѣдило за направленіемъ всей современной литературы и иногда заявляло свой протестъ за напечатаніе какой-нибудь подозрительной статьи или книги. Такъ, оно протесто-

[5]) Тамъ же, стр. 325.

вало по поводу появленія въ „Отечест. Запискахъ“ статей о реформаціи, извлеченныхъ изъ сочиненій Ранке (на основаніи доклада ректора петербугской дух. академіи, еп Аѳанасія). Оно старательно наблюдало, наконецъ. и за исполненіемъ церковныхъ правилъ и обрядовъ. Св. Синодомъ было предписано за безчинные поступки, встрѣчающіеся въ церквахъ или при богослуженіи, виновныхъ строго наказывать, можно было даже исключать изъ духовнаго званія, въ чемъ нѣкоторые архіереи и проявили тогда особую ретивость (напр., въ нижегородск. еп.). За вольнодумство ссылали въ монастыри на послушеніе; практиковалось заключеніе и въ монастырскія тюрьмы. Примѣровъ было много. Одинъ священникъ Владимирской епархіи (Лавровскій) былъ сосланъ въ Соловецкую тюрьму просто „по подозрѣнію“ въ подбрасываніи листковъ-прокламацій, гдѣ порицалось крѣпостное право, и крестьяне призывались дружно сбросить съ себя оковы рабства. Ссылка въ монастырскія тюрьмы примѣнялась и къ мірянамъ. Этому наказанію въ царствованіе Николая I-го весьма часто подвергали за оказаніе и пропаганду сектантства и старообрядчества, а также за политическія преступленія. Духовное начальство не противилось заключенію въ монастыри и за преступленія, непричастныя къ вѣрѣ и нравственности, и потому принимало въ монастырскія тюрьмы и религіозныхъ преступниковъ, и уголовныхъ, и политическихъ,— безъ различія священнаго чина, свѣтскаго званія и даже пола: монаховъ, священниковъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, студентовъ офицеровъ, солдатъ, купцовъ, старообрядцевъ, сектантовъ, мужчинъ, женщинъ... [6]).

Николаевскій режимъ лежалъ тяжелымъ бременемъ надъ общей сферой церковныхъ дѣлъ. Свобода совѣсти и слова имъ была сильно стѣснена, придавлена. Нетерпимость этой эпохи дала плачевные результаты для развитія церковно-общественной жизни и породила протесты. На смѣнѣ суроваго царствованія протесты изъ среды русскаго общества раздались открыто. Общество созьало нужду сбросить наложенныя цѣпи и призывало къ гуманной реформѣ И. С. Аксаковъ жаловался на стѣснительную

[6]) А. Пругавинъ. Мон. тюрьмы. 1905 Стр. 72.

цензуру (въ 1856 г.) П. А. Валуевъ протестовалъ въ своей „Думѣ русскаго“ (1855 г.) противъ строгихъ мѣръ касательно иновѣрцевъ, возмущался тѣмъ, что на религіозныя вѣрованія смотрятъ, какъ на орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, доказывалъ, что св. Церковь не нуждается въ насильственномъ содѣйствіи правительства къ обращенію уклонившихся или къ возсоединенію отпавшихъ. По его выраженію, православная церковь, поддерживаемая въ дѣлѣ проповѣди мірской полиціей, въ то время тяготѣла надъ иновѣріемъ, старообрядчествомъ и сектантствомъ давящей *буквой*, убивая въ себѣ и въ нихъ живой *духъ*. А. М. Н. Катковъ нашелъ необходимымъ оффиціально подвести такой итогъ религіозно-общественной жизни къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. „Нельзя безъ грусти видѣть,— писалъ онъ въ докладной запискѣ министру народнаго просвѣщенія,—какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ интересамъ религіи. Это—слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ настоятельно отдѣлять высшіе интересы отъ живой мысли и живого слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ такого религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность, въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и Церкви, есть главная причина того безплодія, которымъ поражена русская мысль и все наше образованіе; она же, съ другой стороны, есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства. Неужели намъ суждено всегда обманывать себя и хитросплетенною ложью пышныхъ оффиціальныхъ фразъ убаюкивать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустью должны сознаться, что

будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею..." [7].

Истинная Церковь и религіозная жизнь замерли въ тискахъ всевозможныхъ стѣсненій и ждали освобожденія отъ нихъ въ наступившее царствованіе преемника Николая, Императора Александра II-го. И Царь-Освободитель дѣйствительно далъ „свободу" русскому народу, раскрѣпостилъ и церковно-общественную жизнь во многихъ отношеніяхъ. Но и при немъ не всѣ еще цѣпи пали, и — къ сожалѣнію — не *всѣхъ* сторонъ коснулись либеральныя вѣянія его славнаго царствованія.

Вѣротерпимость, или точнѣе нетерпимость въ дѣлѣ вѣры, въ началѣ правленія Государя Александра II-го была ослаблена очень мало. Преслѣдованіе старообрядцевъ и сектантовъ продолжалось. Ихъ попрежнему заточали въ монастырскія тюрьмы, подвергая строжайшему режиму, какъ арестантовъ, лишая религіозной бесѣды, открытой молитвы, чтенія священныхъ книгъ. Какъ и раньше, власти не дѣлали исключенія даже для епископскаго сана. Такъ, были заключены въ разныя монастырскія тюрьмы старообрядческіе епископы Кононъ, Геннадій и другіе, прожившіе тамъ цѣлые десятки лѣтъ. Основатель секты прыгуновъ, Максимъ Рудометкинъ тоже былъ наказанъ ссылкою въ Соловки, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ Суздальскую тюрьму, „съ цѣлію прекращенія ему возможности вести переписку съ его единомышленниками на Кавказѣ". Подобнымъ же образомъ наказывали и простыхъ оказателей старообрядчества и сектантства. Сидѣли по тюрьмамъ и католики (о. І. Анчевскій).

Не мало выпало церковныхъ наказаній и на долю православныхъ за преступленія противъ вѣры, при чемъ часто смѣшивали религіозные проступки съ политическими и виновныхъ наказывали монастырскимъ сидѣньемъ. Въ этомъ отношеніи памятно „дѣло" о совершеніи панихиды въ селѣ Безднѣ, Казанской губ. и у., по убитомъ при усмиреніи крестьянскаго бунта Ант. Петровѣ. За служеніе тамъ панихиды священникъ Яхонтовъ, студентъ Казанской духовной академіи, былъ сосланъ Си-

[7] А. Папковъ. Церк. и Общ. въ эпоху Царя-Освобод. 1901. Стр. 305—6.

нодомъ въ Соловецкую тюрьму. Ссылка угрожала и другому участнику панихиды, студенту академіи—монаху Мелетію, впослѣдствіи—епископу рязанскому, но не послѣдовала за назначеніемъ его миссіонеромъ въ Восточную Сибирь. Едва избѣжалъ монастырскаго заключенія и А. П. Щаповъ, профессоръ той же академіи, устраивавшій панихиду въ с. Безднѣ: онъ былъ приговоренъ Св. Синодомъ къ ссылкѣ въ Соловецкій монастырь на смиреніе. Одинъ священникъ (о. Ѳ. Померанцевъ, Пензенской еп) былъ наказанъ заточеніемъ въ монастырь подъ строжайшій надзоръ о. настоятеля „за неправильное толкованіе Высочайшаго манифеста“ (1861 года) Карали за уклоненіе отъ таинствъ, наприм.—за отказъ крестить дѣтей по установленію православной церкви, за „вредныя“ дѣйствія по старообрядчеству или сектантству, за иновѣрную пропаганду, упорство во мнѣніяхъ, несогласныхъ съ ученіемъ Церкви, и т. под. [1]).

Однако, при столь еще малой вѣротерпимости, духовная цензура сдѣлалась уже нѣсколько либеральнѣе. Въ газетахъ, журналахъ, отдѣльныхъ книгахъ и по религіознымъ вопросамъ стали говорить, писать гораздо свободнѣе, чѣмъ прежде. Религіозная мысль получила значительную свободу, оживилась даже богословская журналистика. Духовный деспотизмъ надъ мыслію человѣка въ литературѣ постепенно ослабѣвалъ. Тѣмъ не менѣе обязательная цензура со стороны Синода или его уполномоченныхъ существовала,—и далеко не все написанное увидѣло свѣтъ, вышло изъ дозволенной печати..

Да и то, что было напечатано съ разрѣшенія той или другой цензуры, иногда встрѣчало протестъ, суровое осужденіе и порицаніе со стороны центральной власти. Извѣстно нѣсколько такихъ протестовъ въ 1858 г. Напримѣръ статья Даскалова „Возрожденіе болгаръ“ въ „Русской Бесѣдѣ“ вызвала протестъ синодальнаго оберъ-прокурора, увидѣвшаго въ ней „явное оскорбленіе восточной православной Церкви“. С.-Петербургскій митрополитъ Григорій возмутился однажды „Сыномъ Отечества“ за напечатаніе картинки парижскихъ модъ, на которой „жен-

[1]) Н. Аристовъ. «А. П. Щаповъ». СПБ. 1883. Стр. 73 —А. Пругавинъ. Цит. соч., стр. 59, 78 и др.

ская фигура представлена въ платьѣ украшенномъ вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ—крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ". Митрополитъ нашелъ „такое злоупотребленіе священнаго знамени креста крайне неприличнымъ" и просилъ генералъ-губернатора „воспретить въ мастерскихъ устройство означенныхъ платьевъ .." Духовнымъ властямъ показались вредными нѣкоторыя статьи даже въ одномъ изъ академическихъ журналовъ—„Православномъ Собесѣдникѣ", и Св. Синодъ имѣлъ особое сужденіе „о несвойственномъ духовному изданію направленіи „Православн. Собесѣдника". Синодъ призналъ тогда, что дѣйствительно въ журналѣ помѣщены такія статьи, которыя содержатъ въ себѣ „совершенно неумѣстныя выраженія, неправильныя мысли и явныя несообразности, какія непріятно видѣть въ печати, особенно—въ изданіи духовной академіи". Въ доказательство своего мнѣнія Св. Синодъ указалъ на статьи: „Нѣчто о современныхъ отношеніяхъ римской церкви къ православной (1858 г., дек. кн.), „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей" (1859 г., январ. кн.) и др., при чемъ въ вину авторамъ поставилъ и употребленіе ими иностранныхъ словъ: гуманность, идеальность, прогрессъ, цивилизація, комфортъ, арена и т. под. [2])

Словомъ, хотя духовное вѣдомство и допускало свободу мысли устной и письменной, однако шло по пути прогресса неспѣшными, небольшими шагами и находило не лишнимъ иной разъ поставить какую-либо своеобразную препону „вольнодумству", либеральной книжкѣ, подозрительной статьѣ, вредному автору Но этимъ именно само же духовное вѣдомство попрежнему открывало широкій доступъ въ наше общество книгамъ заграничной печати и русской, подпольной литературы. Такая литература проникла во всѣ слои общества и давала свои отвѣты и на церковныя темы. Религіозное вольномысліе, запретное съ точки зрѣнія духовной опеки, въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ стало популярнымъ среди всей интеллигенціи. Значитъ, общество съ удобствомъ для себя обходило стѣснительный путь

[2]) А. Скабичевскій. Очерк. ист. русск. ценз. Гл. XX и XXIII.

церковной цензуры и легко просвѣщалось отрицательными идеями помимо цензурованныхъ книгъ и журналовъ,— инымъ путемъ, окольнымъ, тайнымъ, нелегальнымъ...

Почти въ такомъ положеніи свобода религіознаго слова находилась и въ концѣ столѣтія. Стѣснительная цензура духовнаго вѣдомства продолжала существовать и энергично предупреждала появленіе въ печати антицерковныхъ сочиненій. Правда, за это время ужъ не было странныхъ придирокъ духовнаго начальства къ иностраннымъ терминамъ, но идейный либерализмъ все еще преслѣдовался Богословская мысль выражалась осторожно и съ опасеніемъ, какъ бы не навлечь на мыслителя за живое слово возможныхъ нареканій или гоненія. Осторожность эта наблюдалась даже представителями академической науки. Впрочемъ, ригоризма первой половины столѣтія въ области духовной литературы уже не замѣчалось. Постепенно создавался переходъ къ большей *свободѣ* печатнаго слова, наступившей въ началѣ новаго вѣка

Въ отношеніи къ свободѣ вѣроисповѣданія прогрессъ былъ не великъ. За время царствованій Александра III-го и Николая II-го дѣйствовали слѣдующія церковно гражданскія узаконенія, фактически проводимыя въ жизнь и той и другой властью. Такъ называемыя „вредныя“ секты и теперь еще не имѣли права общественныхъ молитвенныхъ собраній. Штундизмъ тоже считался вредною сектою, и потому штундистамъ не было дано льготы на общественную молитву [3]) Старообрядцамъ же было дозволено „творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особенно приготовленныхъ для сего зданіяхъ, съ тѣмъ — однако — непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не нарушались общія правила благочинія и общественнаго порядка“ [4]). За „мнѣніе“ о вѣрѣ они не преслѣдовались, но имъ строго воспрещалось „совращать и склонять“ кого либо въ старообрядчество [5]). Вообще запрещалось каждо-

[3]) Опред. Св Син. 1878 и 1883 г.г., Высоч. утвержд. полож. Ком. мин. 1894 г.
[4]) Зак. 3 мая 1883 г., ст. 48.
[5]) Тотъ же законъ, ст. 45.

му „заводить или распространять между православными какія-либо ереси", т. е. ученія, несогласныя съ ортодоксіей Православной Церкви [6]). Запрещено было „какъ покушеніе къ вовлеченію другихъ въ ереси, такъ и всякое публичное оказательство" ереси и старообрядчества со стороны ихъ послѣдователей, при чемъ въ законѣ разъяснялось, что „публичнымъ оказательствомъ" исповѣданія признаются: „1) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, 2) публичное ношеніе иконъ, 3) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священно-служительскаго одѣяній и 4) религіозное пѣніе на улицахъ и площадяхъ" [7]). Распечатаніе закрытыхъ раньше старообрядческихъ молитвенныхъ зданій было сопряжено съ чрезвычайными трудностями, а распечатаніе монастырей и скитовъ совсѣмъ не было разрѣшено [8]) Запрещалось печатать и продавать старообрядческія богослужебныя книги, а дозволялось пріобрѣтать только *сходныя* съ старопечатными книги, напечатанныя въ особой типографіи въ Москвѣ [9]). Богослужебныя же книги старообрядцевъ, вывезенныя ими изъ-за границы, приказано было конфисковать и отсылать въ Св. Синодъ, или въ Московскую Синодальную Контору [10]) Отбирались также и эстампы, изображающіе святыхъ и изданные безъ разрѣшенія духовной цензуры, равно и доски, на которыхъ они печатаны [11]).

Правительствомъ были точно опредѣлены и соотвѣтственныя наказанія, „за отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры". Такъ, „кто въ проповѣди или сочиненіи будетъ усиливаться привлекать и совращать православныхъ въ иное, хотя и христіанское, вѣроисповѣданіе, или же еретическую секту, или раскольническій толкъ, тотъ за сіе преступленіе" подвергался: въ первый разъ—лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ

[6]) Уст. о пред и прес. прест., т. XIV Св. Зак. (изд. 1890 г.) 53
[7]) Тамъ же, ст. 59.
[8]) Тамъ же, ст. 48, п. 2.
[9]) Тамъ же, ст. 50.
[10]) Тамъ же, ст. 51.
[11]) Тамъ же, ст. 97.

и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣс. до 1 года и 4 мѣс., во второй разъ—заключенію въ крѣпости на время отъ 2 лѣтъ и 8 мѣс. до 4 лѣтъ, тоже съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, въ третій—лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія [12]). „Виновный въ произнесеніи или чтеніи—публично—проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи и публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе, или въ расколо-ученіе, или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлію совращенія православныхъ" наказывался заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года или арестомъ [13]). Подлежитъ наказанію (арестомъ) такъ же и тотъ, кто принималъ православнаго въ свое исповѣданіе по обрядамъ своей вѣры [14]). А за обращеніе въ православіе изъ другихъ исповѣданій правительство награждало ревнителей орденами... [15]).

Какъ видимъ, до полной вѣротерпимости было еще далеко. Свобода совѣсти и на зарѣ новаго столѣтія стѣснялась ограничительными мѣрами. За пропаганду своей вѣры среди послѣдователей государственной религіи виновные даже *карались* — арестами, тюрьмой и крѣпостью. Были и печальные случаи заключеній въ монастырскія тюрьмы просто за разномысліе, религіозное вольнодумство, подозрительную нравственно-просвѣтительную дѣятельность, за показавшееся лицемѣрнымъ и вреднымъ „благочестіе" Въ Суздальской монастырской тюрьмѣ, напримѣръ долгое время томился урожденецъ Архангельской губерніи, Василій Осиповичъ Раховъ. За что? Обществу и доселѣ трудно установить, чѣмъ именно вызвана была ссылка этого дѣятеля. Біографическія данныя указываютъ лишь на то, что В. Раховъ занимался въ разныхъ мѣстахъ просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью. Усердный учитель

---

[12]) Тамъ же, ст. 189. (Ср. Изд. 1892 и 1902 г.г).
[13]) Угол. Улож о раск. Ст. 90.
[14]) Тамъ же, ст. 91.
[15]) Учр. Орден. т. 1, ч. 2—Св. Гр. Зак., ст. 459.

грамотѣ и Закону Божьему крестьянскихъ дѣтей, опытный руководитель взрослыхъ, часто читавшій имъ по деревнямъ религіозно-нравственныя книжки, горячій защитникъ рабочихъ въ городѣ, неизсякаемый благотворитель бѣднымъ людямъ, всюду имѣвшій благотворное вліяніе на общество,—энергичный, добрый, самоотверженный Раховъ вдругъ оказался арестованнымъ, отправленъ по этапу въ Архангельскъ, посаженъ въ тюрьму и отданъ подъ судъ „за распространеніе ереси“. Но судъ ничего предосудительнаго въ его словахъ и дѣйствіяхъ не нашелъ и—оправдалъ его. Раховъ вновь на волѣ. Опять годы его кипучей дѣятельности на пользу ближняго: онъ просвѣщаетъ темныхъ, кормитъ голодныхъ; имъ устраиваются чтенія, бесѣды, столовыя, пріюты И все это дѣлается имъ во имя Божіе, религіозная настроенность не покидаетъ его; онъ всюду съ собою несетъ молитвенникъ, евангеліе, житія святыхъ, утѣшаетъ, ободряетъ, возвышаетъ и питаетъ народъ духовно. Населеніе считало В. Рахова за его безкорыстное и самотверженное служеніе людямъ, великимъ человѣкомъ—„не отъ міра сего...“ Но православное духовенство взглянуло на этого „великаго человѣка“ иными глазами. Оно заподозрило Рахова въ неисполненіи церковныхъ уставовъ, въ распространеніи еретическихъ брошюръ и—сдѣлало на него доносъ мѣстной власти. Пошли обыски въ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ В. Рахова, тщательно были осмотрѣны его иконы и книги и—ничего запретнаго, нецензурнаго не нашлось. Не могли открыть чего-либо преступнаго, противнаго законамъ въ дѣятельности Рахова ни судебное слѣдствіе, ни губернская администрація. Тѣмъ не менѣе епархіальное начальство усиленно ходатайствовало предъ Центральною властью о заточеніи Рахова въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь. И, очевидно, ходатайство православнаго духовенства въ Петербургѣ показалось основательнымъ: В. Раховъ вскорѣ былъ препровожденъ подъ строгимъ конвоемъ въ Суздальскую монастырскую тюрьму. Такъ странно пресѣклась плодотворная дѣятельность одного изъ замѣчательныхъ альтруистовъ недавняго прошлаго [16]).

[16]) См. Недѣл. 1893 г. № 16.

Въ ту же Суздальскую тюрьму, по представленію Самарскаго епархіальнаго начальства, былъ сосланъ крестьянинъ Самарской губ., Ив. Чуриковъ за то, что выдавалъ себя за цѣлителя и чудотворца и тѣмъ эксплоатировалъ религіозное чувство простецовъ [17]) Затѣмъ, по ходатайству предъ Св. Синодомъ самарскаго же духовенства, былъ изъятъ изъ среды православной паствы и заключенъ въ Суздальскій монастырь крестьянинъ Ермолай Федосѣевъ. Этотъ навлекъ на себя гнѣвъ духовной власти тѣмъ, что „жилъ въ пещерѣ и своей лицемѣрной праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа“ [18]). Изъ подольской епархіи монастырскому заключенію подвергся даже священникъ (Шандровскій)—за отпаденіе отъ православія и переходъ въ штунду. А въ тамбовской епархіи тоже священникъ, Гер. Ив. Цвѣтковъ, былъ осужденъ на заточеніе въ Суздальскую монастырскую тюрьму, повидимому, совсѣмъ не за преступленіе. На самомъ рубежѣ XX го столѣтія высшая церковная власть столь сурово наказала священника „за нѣкоторые взгляды его, несогласные съ тѣми, которые считаются господствующими въ нашемъ духовенствѣ“. Именно: о. Цвѣтковъ „осуждалъ подчиненіе Церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора Св. Синода, признавалъ необходимость созыва вселенскаго собора для разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ вопросовъ въ Православной Церкви, отвергалъ авторитетъ Св. Синода...“ [19]). Свои мысли онъ излагалъ въ особыхъ докладныхъ запискахъ какъ высшимъ іерархамъ Церкви, такъ и синодальному оберъ-прокурору. За такую дерзость и „неправомысліе“ о. Г. Цвѣтковъ и былъ заключенъ въ монастырскую тюрьму „впредь до раскаянія и исправленія“. Между тѣмъ та весна, въ которую закончилось разборомъ „дѣло“ этого пастыря, была уже *весной* двадцатаго вѣка... [20])

---

[17]) А. Пругавинъ. Мон. тюрьм. Стр. 111.

[18]) Самар. Еп Вѣд. 1901 г. № 16.

[19]) С.-Петербург. Вѣд. 1901 г.

[20]) Нетерпимость церковной власти къ свободѣ совѣсти и слова весьма рѣзко сказалась въ послѣднія десятилѣтія также въ соотвѣтственной организаціи русской школы, особенно—*духовной*. Въ духовной школѣ многочисленными законами, циркулярами и предписаніями гнели и тѣснили свободу слова и совѣсти Св. Си-

Поклонъ тебѣ, свобода!
(Некрасовъ).

Двадцатое столѣтіе большой чертой отдѣлило себя отъ девятнадцатаго и въ области вѣротерпимости. Его, дѣйствительно, нужно привѣтствовать глубокимъ поклономъ, а мрачному его предшественнику послать одно лишь забвенье. „Дню вчерашнему—забвенье, дню грядущему—привѣтъ!..“ 17-го апрѣля 1905 года удостоился Высочайшаго утвержденія особый журналъ комитета министровъ объ устраненіи стѣсненій въ области религіи и укрѣпленіи началъ вѣротерпимости. Въ знаменательный день Свѣтлаго Христова Воскресенія съ высоты Царскаго престола былъ объявленъ милостивый манифестъ, торжественно провозгласившій въ Россіи *свободу совѣсти* для всѣхъ жителей. Манифестъ этотъ повелѣвалъ—„признать, что отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, при чемъ отпавшее по достиженіи совершеннолѣтія отъ православія лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое *оно для себя избрало...*“ Такъ рушились вѣковыя искусственныя преграды въ дѣлѣ свободнаго служенія Богу. Въ жизни Россіи началась новая и великая эра—духовнаго воскресенія и возрожденія народовъ...

Церковная власть отнеслась къ апрѣльскому манифесту безъ особеннаго сочувствія, однако свободу исповѣданій должна была признать... Естественно было ожидать, что послѣ Высочайшаго манифеста о вѣротерпимости должна была прекратить свое существованіе и спеціальная духовная цензура. Ея опека

ноль, митрополиты, епархіальные архіереи и ихъ испонительные органы—начальники учебныхъ заведеній. Въ архивахъ Учебнаго Комитета, канцелярій оберъ-прокурора и епископскихъ каѳедръ, правленій духовныхъ академій, семинарій и училищъ, какъ въ тайныхъ нѣдрахъ, сокрыта масса богатаго и краснорѣчиваго фактами матеріала по данному вопросу. Но извлечь оттуда и надлежаще освѣтить весь этотъ матеріалъ еще не пришло благопріятное время...

Авт.

надъ религіозными сочиненіями уже больше не могла имѣть ни основанія, ни смысла. Ей осталась, въ сущности, исключительная роль опекунши надъ *православной ортодоксіей*... Фактически же сфера дѣятельности духовной цензуры сокращается пока еще очень медленно... Но—чему положено быть, то—Богъ дастъ—и будетъ...

„Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ..." [21]).

. . . . . .

А. Соколовъ.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 4—8 Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1906 годъ.

Типографія В. Л. Егорова въ Астрахани, противъ Окружнаго Суда.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

---

[21]) Изъ поэмы „Іоаннъ Дамаскинъ" А Толстого.